

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Людмилы Астаховой
в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Цикл

«ЗНАЮЩИЙ НЕ ГОВОРИТ»

НАЕМНИК ЗИМЫ

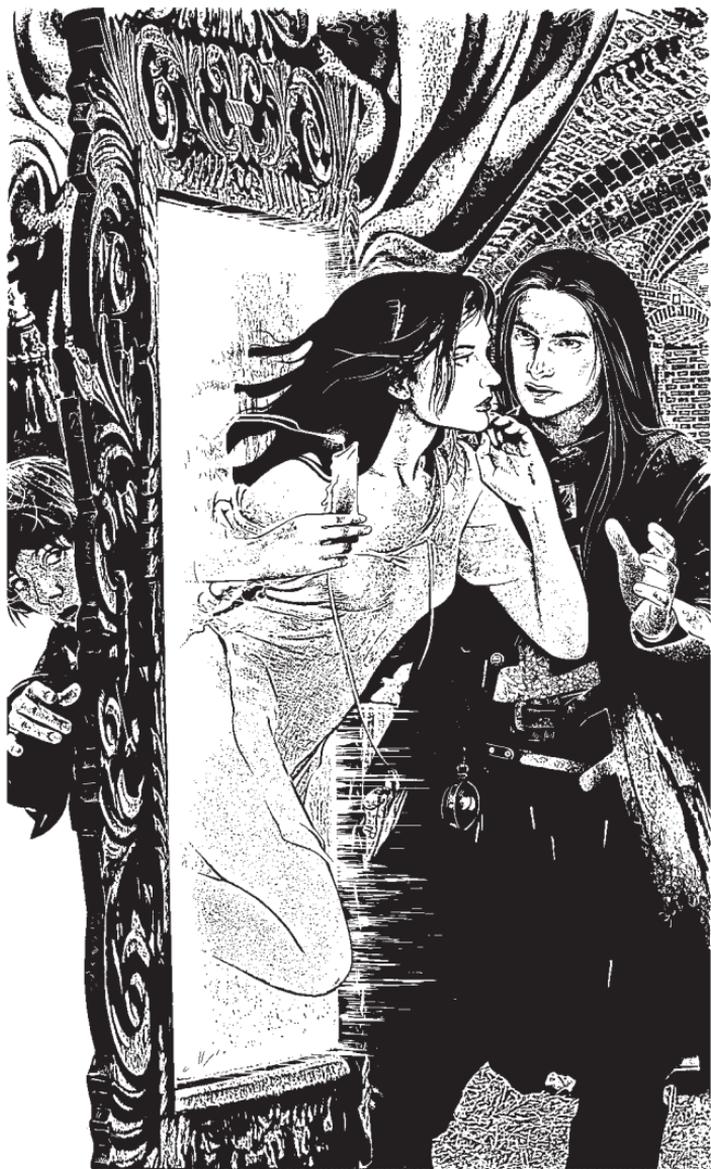
АРМИЯ СУДЬБЫ

ДРУГАЯ РЕКА

ПРИГОРШНЯ ВЕЧНОСТИ

В соавторстве с Яной Горшковой

КОШКА КОЛДУНА

Людмила АСТАХОВА,
Яна ГОРШКОВА

КОШКА КОЛДУНА

Роман

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А91

Серия основана в 2004 году
Выпуск 584

Художник
О. Бабкин

Астахова Л. В., Горшкова Я. А.

А91 Кошка колдуна: Фантастический роман.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 345 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2075-9

Знала ли петербурженка Катя Говорова, чем закончится для нее гадание в крещенский вечерок? Старое зеркало оказалось дверью в иной, суровый мир, а единственный защитник девушки отныне — непредсказуемый и коварный колдун из Народа Холмов. Вот только уважением и симпатией там и не пахнет, ведь хозяин считает Катю не служанкой даже, а просто домашним питомцем...

А вот Кеннета из клана Маклеодов встреча с женщиной из племени богини Дану не смутила ничуть. Что может напугать средневекового горца, если к седлу приторочен верный меч, на устах — учтивые речи, а в руках — кружка доброго эля?

Но и Катя, и Кеннет — всего лишь пешки в опасной и древней игре двух бессмертных. И в этой партии у страсти привкус мести, а любовь отравлена коварством...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2075-9

© Астахова Л. В., Горшкова Я. А., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

...и ты попала
к настоящему колдуну.
Группа «Король и шут»

Глава 1
«ЗНАКОМЬСЯ, АЛИСА, ЭТО – ПУДИНГ»

Екатерина Говорова

С самого утра я чувствовала себя Белым Кроликом. Все признаки налицо: глаза красные от хронического недосыпа, суетливость в движениях и постоянная оглядка на время. Один в один кэрролловский персонаж, не хватает только белой шубки. Когда за окном плюс десять — самое оно. Последний день весны называется. Конечно, одна большая чашка кофе спасла бы «мать российского этнотуризма», но как на зло кофе закончился вчера, а Данька был в отъезде.

По мере продвижения к входной двери хаос нарастал, как снежный ком.

«Только не забыть ключи от Ласточки! Только не забыть ключи...» — думала я, втискивая ноги в кроссовки.

— Где они?!

Мой вопль сотряс старенькую хрущевку, как громовой раскат. Я же положила их на полочку перед зеркалом в прихожей! Вот черт! Отчаянные метания по квартире ни к чему не привели, и, когда я уже плюнула на это безнадежное дело, ключи сами нашлись в кармане куртки. И так всегда!

По лестнице я катилась почти кубарем, одновременно застегивая сумочку, пересчитывая папки с документами (поработать дома вечером, уже засыпая на ходу, — похвальная, но совершенно невыполнимая задача), проверяя входящие звонки и... Я по привычке мельком глянула на почтовый ящик. Внутри что-то лежало, но так лень было лезть опять в сумку за ключами... Короче, знакомство с входящей корреспонденцией я отложила на вечер. Если не забуду и снова не пробегу мимо. Или на следующее утро. Одним словом, когда дверь подъезда захлопнулась за моей спиной, я и думать за-

была о письмах. Мне предстояло маленькое, но нервозатратное сражение с Ласточкой — древней, как египетские боги, и такой же капризной и злопамятной жигуленкой-«четверкой», которая в миру — ВАЗ-2104. Собственно, Ласточкой ее называл предыдущий хозяин. В качестве тонкой издевки над продуктом советского автопрома, надо полагать. Ласточка по натуре своей была эксгибиционисткой, более всего жаждая обнажиться перед брутальными механиками. Она ломалась, ломалась и ломалась, а я ее чинила, чинила и чинила. Но все это случалось исключительно в городской черте, а стоило нам с ней оказаться в местах диких, напрочь лишенных признаков автосервиса, как в Ласточке пробуждалась какая-то исконная российская стойкость. Красная «четверка» волшебным образом преображалась в легендарную «тридцатьчетверку» и в этом измененном состоянии души преодолевала все тяготы и лишения... хм... так называемых дорог Новгородской области. Ради этой способности я и терпела все Ласточкины выходы.

— Здравствуй, дорогая. Как спалось? — С ней надо было разговаривать ласково, практически лебезить, иначе она обязательно зальет свечи. Проверено сто раз. — Уверена, ты отдохнула гораздо лучше меня. Моя девочка, моя раскрасавица...

В салоне одурающе воняло освежителем. Моя Ласточка, словно какая-нибудь крутобедрая звезда серала, обожала парфюм в смертельной дозировке. Смешно сказать, но без «елочки», повешенной на зеркало заднего вида, эта... милая добрая машинка просто не заводилась. Фантастика, да?

Но утром тридцать первого мая две тысячи двенадцатого года жигуленка проявила милосердие, достойное Флоренс Найтингейл, а я — знаменитую русскую терпеливость, и мы поехали практически сразу. Это был знак! Только я еще не знала, какой именно, а жаль.

Офис мой гордо раскинул все свои двадцать семь квадратных метров в историческом центре, на набережной реки Фонтанки. И мог бы служить наглядным примером жизненности высказывания «Петербург — город контрастов». За желто-белыми фасадами, налево от Сенной площади, мы с Ласточкой нырнули под арку и перенеслись в какую-то сплошь эклектичную локацию, где совершенно европейского вида чистенькая, только что после реконструкции, гостиница соседствовала с

чисто советским двориком, а тополя почти полностью перекрывали доступ света в окна двухэтажного здания, помнившего еще царя-батюшку. Если не Петра Алексеевича, то Николая Павловича точно. Престижным тут было только местоположение — центр все-таки, метро близко, что для меня, учитывая характер Ласточки, весьма актуально. А еще — волшебные пышки из пышечной на углу Гороховой, спасавшие не только меня, но и всех моих товарищей по аренде.

Когда я только-только присмотрела это место, здание наше выглядело удручающе. Но после того, как второй этаж заняла строительно-монтажная фирма с непроизносимой аббревиатурой вместо названия, жить и работать стало гораздо веселее. Кровля засверкала, словно из ниоткуда материализовались водосточные трубы, отливы и даже перила на парадной лестнице, а вместо консервной банки и перевернутого ящика в углу за гаражами возникла цивилизованная курилка. С урной. Но самое главное — исчезли плесень и грибок, этот бич старого фонда. Прочие нововведения богатых строителей на бытие обитателей полуподвального этажа практически не отразились.

Когда-то это была огромная коммуналка, комнат на пятнадцать, а еще раньше, вероятно, здесь обитали слуги какого-нибудь графа. Во всяком случае, мой офис в девичестве вполне мог быть графской кладовкой. От царских времен здесь сохранились остатки лепнины, от советских — угрожающе длинный коридор и внезапные перегородки. «Лихие девяностые» оставили в наследство фирму по установке унитазов и центр ведических практик. Оптовый магазин-склад китайских сувениров открылся в «тучные нулевые», а ИП Говорова, то бишь я, заехала последней, всего лишь год назад. А еще у нас имелся дядя Федор, реликт ушедшей эпохи.

Дядя Федор вместе с потрясающей толщины котом Петровичем обитал в комнате, по сравнению с которой моя кладовка тянула на резиденцию князя Монако. Всезнающие дамы из китайских сувениров сумели как-то выяснить, что в эпоху дикого капитализма дядя Федор умудрился вложить все сбережения до копейки в очередную пирамиду, прогорел и закономерно запил. А протрезвев, обнаружил, что, кроме кота, тельняшки и радиолы «Ригонда», имущества никакого не сохранил. Мир не без добрых людей, и дядя Федор с Петровичем прижились в нашей подсобке, удачно совмещая обя-

занности дворника, завхоза и вахтера. Сердобольные сувенирные дамы кормили и kota, и нашего пенсионера, ведические практики пристрастили дядю Федора к медитациям и индийским благоволиям вместо родной «беленькой», а суровые унитазных дел мастера подарили ему телевизор и электрочайник. Чайником он пользовался, а телевизором — нет. Нервы берег.

Мой же вклад в бытие дяди Федора был невелик — я обеспечивала ему досуг. Днем наш на-все-руки-мастер мог в полное свое удовольствие возиться с Ласточкой. Далеко не сразу я, дитя постсоветской эпохи, догадалась, что капризная «четверка» на самом деле — несбывшаяся мечта и счастье всей жизни для бывшего советского инженера. Забегая вперед, признаюсь: как раз дяде Федору Ласточка в итоге и досталась. А ночью, когда обитатель подсобки из завхоза превращался в вахтера, он мог безлимитно нырять во Всемирную паутину прямо из-за моего рабочего стола. Для хорошего человека не жалко. Заодно и на звонки отвечал и вообще всячески рекламировал ИП Говорову редким посетителям.

Тем памятным утром дядя Федор перехватил меня еще на крыльце и, тревожно оглядываясь, предупредил:

— Катерина, там тебя клиент ждет.

Я насторожилась. В голосе человека, который не боялся ни Бога, ни черта, ни пожарного инспектора, явственно звучало беспокойство. А дядя Федор, между прочим, был таким мощным источником позитива и умиротворения, что после двухминутного разговора с ним даже свирепые коллекторы становились ласковыми, словно котята. И чтобы заставить дядю Федора тревожиться... Что ж это за клиент такой?

Этот вопрос я озвучила, рассчитывая, что вахтер, как обычно, в двух-трех фразах даст исчерпывающую и вернейшую характеристику посетителя. Со времен злополучного участия в пирамиде пенсионер отрастил себе потрясающее чутье на мошенников и жуликов. Глянет разок и выносит вердикт: «Мутный!»

— Сама увидишь, — уклончиво отозвался вахтер. — Давай пошустрей, Катерина. Серьезный человек пришел.

— Ты его в офис, что ли, мой впустил?

Я вытаращила глаза. Таковую предупредительность по отношению к клиенту я со стороны дяди Федора вообще наблюдала впервые. Воображение тут же нарисовало мне помесь гене-

рала ФСБ с долларовым мультимиллионером, хотя ни бронированного черного автомобиля, ни личного вертолета в пределах видимости не наблюдалось.

— Пришлось впустить, — вздохнул старик.

— Дядя Федя, ты мне чего-то недоговариваешь, да?

Вахтер посмотрел на меня из-под кустистых пегих бровей и вздохнул еще печальнее.

— Иди, иди, не задерживайся. И это... дочка, ты там поосторожней с ним.

Я только плечами пожала, дескать, не вопрос.

Были ли у меня в тот момент предчувствия? Не-а. Ни-ка-ких.

Но этот посетитель мне сразу не понравился. С первого взгляда, с первого слова, с первого... Короче, первое впечатление для меня всегда самое важное и всегда оказывается самым верным. Дело было не в какой-то общей холености, хотя, если разобраться, то ни одежда, ни внешность не выделяли его из толпы. Обычная ветровка, брюки классического покроя, кейс в одной руке, сумка с ноутбуком через плечо. Ни тебе «ролексов», ни выдающих несправедливое прошлое татуировок, даже туфли и те не из крокодиловой кожи. Но и на простого смертного клиент не тянул. Хотя вы меня живьем режьте!

— Добрый день! Вы ведь Екатерина Говорова? — спросил незванный гость вкрадчиво, словно примериваясь к прыжку.

— Екатерина Леонидовна, — поправила я на всякий случай. — Кто вы и чем я могу вам помочь?

— Одну секундочку.

Незнакомец белозубо, но не слишком широко улыбнулся в ответ и присел напротив. На стол легла аккуратная визитка некоего общества с ограниченной ответственностью «БТЗ». У моего гостя тоже имелись имя с фамилией.

— Вы и есть Дэ Сидоров? — засомневалась я.

Какой-то он не Сидоров был, честное слово.

— Именно.

Кейс он пристроил возле левой ноги, а ноутбук достал из сумки, включил, и минуты две-три что-то набирал, бесшумно касаясь длинными пальцами клавиатуры.

— Вот! Взгляните сюда, пожалуйста, Екатерина... э-э... Леонидовна.

Платежка клиент-банка была заполнена абсолютно правильно: реквизиты ООО «БТЗ», мои банковские реквизиты и сумма, до копейки совпадающая с той, которую я недавно взяла в кредит на развитие бизнеса.

— Что это значит? — спросила я строго. Чудесным образом мой голос не дрогнул от накатившего откуда ни возьмись утробного страха не столько перед незнакомцем, сколько перед чужими и очень внезапными деньгами.

— Все просто. Я перевожу эту сумму на ваш счет, вы расплачиваетесь с банком и далее развиваете ваш... хм... перспективный бизнес, но уже не на таких кабальных условиях. А взамен...

— А взамен?

— Вы оказываете мне профильную услугу. Все по закону, никаких неопознанных сумм, с которых придется платить налоги, акт выполненных работ, печати-подписи и что там еще нужно для вашей отчетности.

— Это какую такую услугу? — оторопела я.

— Этнотуристическую, разумеется, — этак снисходительно улыбнулся мой визави. — Примерно в тех самых местах.

Он ткнул пальцем в направлении яркого постера, висевшего за моей спиной. На Новгородчине таких пейзажей хоть завались — чтобы и березы, и ели, и речка, и луг, прямо как в русских народных сказках. Избушек на курьих ножках, кстати, тоже хватает, не говоря уж о Бабах-ягах.

— Мы еще не готовы принять туристов, инфраструктура подкачала, — честно призналась я, а затем все же нагло соврала: — Мы планировали открыть сезон с первого июля.

Да, земля уже была куплена, и я договорилась с ребятами, готовыми несколько лет своей жизни посвятить воссозданию всамделишного русского поселения, но заработать моя идея должна была в лучшем случае к Новому году. Я вообще-то бо́льшая оптимистка.

— Не имеет значения, Екатерина... э-э... Леонидовна. Мне нужны вы, и нужны в самое ближайшее время. Начиная с завтрашнего дня.

— А иначе что? — Я решила сразу пойти ва-банк. — Вы же понимаете, что ни один нормальный человек, тем паче женщина, на такое сомнительное предложение не согласится. А вдруг вы маньяк-убийца? Бесплатный сыр, сами знаете, где бывает.

Но упрямый Дэ Сидоров не собирался так просто сдаваться.

— Ваши кулинарно-зоологические аргументы совершенно неуместны. Где вы разглядели мышеловку? Я плачу за уникальную в своем роде услугу, вы избавляйтесь от банковских оков — все довольны. В чем вы подозреваете подвох?

«Да он идиот!» — мысленно взывала я.

— Например, вы или ваши сообщники могут в любой момент отозвать перевод.

— Сообщники? — изумился Сидоров. — Однако! Я обещаю, что не сделаю и шага в сторону, пока вы полностью не рассчитаетесь с банком.

— Перевод займет некоторое время. Опять же договор...

— Хорошо! А так вас устроит?

Холеный гость резко захлопнул крышку ноута, а затем сверху на него возложил кейс, открыл его и показал мне содержимое — много наличных в банковских упаковках.

— Ровно один миллион пятьсот тысяч российских рублей — настоящих, вчера полученных в Сбербанке. Если выйдем прямо сейчас, то к вечеру вы будете свободны от всех долговых обязательств. Разве это не прекрасно?

У нас с господином Дэ Сидоровым были разные представления о прекрасном, это уж точно.

— А если я просто сбегу? — дерзко бросила я, пытаюсь изобразить на лице врожденное коварство. — Прихватив ваши деньги.

— Вряд ли у вас это получится, — сказал нежданный благодетель без тени улыбки.

Мне стало совсем уж неуютно. И в какой-то момент моя рука под столом сама по себе начала нажимать кнопку быстрого вызова Даньки на телефоне. По идее, он должен был уже подъезжать к Питеру.

«Данечка, пожалуйста! Ну, пожалуйста, ответь!» — умоляла я. Но его телефон молчал.

— А что говорит ваша хваленая интуиция, Екатерина Леонидовна? — спросил вдруг гость. — Неужели внутри ничего не подсказывает, что я — безопасный незнакомец?

«Ох! Мне только булгаковщины тут не хватало!»

Хотя, если присмотреться... Нет, Волада господин Сидоров напоминал в самую последнюю очередь. Скорее Бегемота, если вообразить себе гладко выбритого, тщательно приче-

санного, но слегка раздраженного кота с кейсом, полным денег.

— Не-а! Ничего такого я не чувствую. А вот здравый смысл только и делает, что кричит во все свое воронье горло: «Держись от этого человека подальше!»

— Но это же смешно...

— Но при этом очень разумно. Не связываться с неизвестными людьми, предлагающими сомнительные сделки, — это в высшей степени разумное отношение к жизни. Не находите?

Прозвучало, как мне тогда казалось, очень внушительно.

— Не скажите, давние знакомцы тоже могут преподнести неприятные сюрпризы, ведь никто не безупречен.

— Мне всегда везло на хороших людей.

— Везение? Удача? Разве это не решающий аргумент в пользу моего предложения? — Дэ Сидоров даже повеселел. — Считайте, что вам со мной просто повезло. Человеку с деньгами понадобилась ваша... мм... профессиональная помощь, и он готов платить, причем наличными. Удача же!

Я так не думала, а думала я только о том, как бы спровадить навязчивого благодетеля и при этом обойтись без вызова полиции. Потому что Данька на мои звонки не отвечал, из коридора не доносилось ни звука, вездесущий дядя Федор куда-то пропал, а господин Сидоров уже начинал действовать мне на нервы.

— Нет. Спасибо за предложение, я крайне польщена вашей щедростью, — сказала я самым любезным тоном, на который только была в принципе способна. — Но думаю, моя удача мне не изменит, и я не только выплачу кредит, но и разовью свой приятный маленький бизнес.

Высокий и очень гладкий лоб посетителя прорезала скорбная морщина, словно он только что утратил последнюю веру в человеческую добродетель.

— Хорошо, тогда последний шанс, — пробормотал он себе под нос и достал из внутреннего кармана конверт. В правом нижнем углу было каким-то странно знакомым почерком написано от руки «Екатерине Говоровой». Автоматически я его взяла. На ощупь внутри лежал сложенный вдвое лист плотной бумаги.

— Это для вас. Прочитайте, пожалуйста.

Ничего такого ужасного в просьбе не было. Подумаешь, большое дело! Но я никакими силами не могла заставить себя

открыть конверт. А вдруг там что-то такое, о чем лучше не знать?

— Нет.

— Что?

— Я сказала четко и ясно: «Нет».

Это было уже обыкновенное упрямство, помноженное на фамильное нежелание подчиняться чужой воле. Нельзя делать что-то наполовину — например, сначала отказываться брать деньги, а затем идти на уступки. Иногда, чтобы попасть в крупную неприятность, достаточно сделать всего один шаг навстречу.

— Ну что ж, — вздохнул Сидоров. — Единственное, в чем люди во все века были наиболее упорны — это в отстаивании своих искренних заблуждений. Давайте сюда письмо! Хватит с вас подарков судьбы.

Он с силой выдернул конверт из моих пальцев, коснувшись кожи. Затем неторопливо закрыл кейс, аккуратно спрятал ноутбук в сумку, забрал бесполезную визитку и, пожелав мне... нет, не удачи, а «всего самого-самого доброго», удалился.

— И вот что это было? — спросила я у актера Джонатана Рис Майерса в образе Генриха Восьмого из сериала «Тюдоры», глянцевого плакат с которым отлично маскировал неэстетичную трещину в матовом дверном стекле. Английский король-многоженец ничего не ответил, но во взгляде его было столько обреченности...

В этот день Данька не появился, и на следующий день тоже. А еще через несколько очень тревожных и бессонных суток я узнала, что мой практически жених, мужчина, с которым я прожила под одной крышей три года и еще два года до этого встречалась, слился вместе с моими деньгами. И с документами на купленную землю, и с моей кредиткой, которую тут же опустошил. В компании с теми самыми замечательными ребятами — энтузиастами этнотуризма, которым я уже выдала аванс. Исчез в неизвестном направлении. Вот гад!

Его родительница повздыхала за компанию, слезно покаялась в провале своей педагогической методы и в мягких выражениях донесла до меня простую народную мудрость: *самадуравинвата*. То же самое, но открытым текстом сказал старший брат моего бывшего суженого-ряженого.

— Слишком добрая ты была, не контролировала его от и до, не воспитывала. А тут такое нечеловеческое искушение, — сказал Саша без тени сочувствия. — Ты, Катенька, сама виновата.

В глазах полицейского сержанта эта самая «самадуравиновата» сверкала и переливалась всеми цветами спектра, ярче полярного сияния. Заявление-то приняли и даже пообещали «искать и найти», но как-то вяло, без огонька. Не убили, вот и славно, скажи спасибо, девочка.

А я вплотную занялась разругиванием ситуации. В конце концов, мне же всегда везло и тут должно было. Это у нас, кстати, семейное. Не по-крупному, без миллионных выигрышей в лотерею, без богатых заграничных родственников или каких-то иных глобальных подарков от судьбы, а так — всякие мелочи житейские. Вот, скажем, моя маменька, ей всегда везло с мужчинами. Все они ее любили, холили, лелеяли и всячески помогали, даже когда любовь-морковь заканчивалась. С моим папенькой, человеком непростого характера, она и вовсе умудрилась остаться лучшими друзьями. Вот и сейчас мама благополучно обреталась в немецком городе Дуйсбурге со своим последним супругом — милейшим и добрейшим «дядюшкой Дитрихом». Нет, правда, мой немецкий отчим всем своим существованием опровергал замшелые стереотипы о скупых, скучных и подозрительных немцах. Лет пять назад мама твердо пожелала обрести семейное счастье с европейцем, одновременно зарегистрировалась на сайте знакомств и записалась на языковые курсы, и не успела освоить сакраментальное: «Ich verstehe etwas Deutsch»¹, как подоспел достойный кандидат в мужья. И стоит ли сомневаться, если моя бабушка вместе с прабабушкой выжили в блокаду? Их удача выглядела, как два мешка с горохом и швейная машинка «Зингер», но сути это не меняет.

Мне тоже везло, но по чуть-чуть, и только однажды я не догнала отъезжающую маршрутку, которая потом попала в ужасное ДТП. Хотя, если подумать, удача мне улыбалась гораздо чаще и ласковее, чем остальным людям. Я проскальзывала в очень узкие щелочки вероятностей, успевала там, где другие безнадежно опаздывали, инстинктивно уворачивалась от больших и малых бед и думала, что так будет всегда.

¹ Я немного понимаю по-немецки.

Мой оптимизм и вера в себя не угасали почти до октября две тысячи двенадцатого. Я не сдавалась и не жаловалась, я искала Даньку, я работала как ломовая лошадь на трех работах — дневной, ночной и копирайтером каждую свободную минуту. Я умудрилась продать Ласточку дороже, чем ее купила (и откуда у дяди Федора взялись такие деньжищи? Неудобно-то как!). — Я безропотно перешла на чай, хлеб, доширак и куриную кожу, и, наконец, я съехала с квартиры, чтобы экономить на аренде. Впрочем, несколько недель активного кочевья по друзьям тоже ничего не решили.

Теоретически место жительства у меня имелось, но практически жить там было невозможно.

«Дом-корабль» — звучит красиво, но любой ленинградец-петербуржец знает, что скрывается за таким звучным названием. Шестисотая серия, будь она неладна! Неистребимый запах тухлых яиц, вечно сломанный лифт, мусоропровод с крысами, черная лестница со следами жизнедеятельности люмпенов, низкие потолки, совмещенный санузел, гнилые трубы и батареи, чья температура чуть-чуть выше, чем у коченеющего трупа. А еще — слышимость. О, этот бич обитателя мегаполиса! Никакие евроремонты не спасали. Чем ни обивай стены, какие потолки ни натяживай, а все равно на первом этаже слышно, как чихают на пятом. Нет, ну, может быть, где-то у кого-то и мусоропровод не заварен, и лифт работает, и лестницу регулярно моют, но наше родовое гнездо относилось к категории жилья, которое застыло в восьмидесятых. Продать или обменять такую жилплощадь было практически невозможно. Даже если потенциальных покупателей и не отпугивали дивные виды и чудные звуки трамвайного парка под окнами, количество жильцов на шестьдесят кв. м площади превышало все разумные пределы. Кроме меня, в трехкомнатной квартирке на улице Морской Пехоты были прописаны: тетя Валя — мамина младшая сестра с мужем Сережей, две кузины — Надя и Оля, обе, по счастью, еще незамужние, двоюродный брат Вадик с женой Люсей (на седьмом месяце), а также пес Тузик и черепашка. Когда на пороге появилась я с кошачьей переноской, кроме Тузика радовалась только кузина Ольга, и то по причине феерического пофигизма. Прочие родственники в проявлении родственных чувств предпочли остаться сдержанными. Конечно, нам нашлось место. Рас-

кладное кресло в комнате кузин стало нам с кошкой пристанищем, но надолго бросать якорь на улице Морской Пехоты было просто неразумно. И очень скоро вопрос встал ребром. Аккурат когда Люся разродилась двойней.

В канун весьма почитаемого дядей Сережей праздника — дня Великой Октябрьской социалистической революции тысяча девятьсот семнадцатого года, я созрела податься в бега. Денег на отдачу долга по кредитной карте у меня уже не было, родственники очень вежливо — как-никак культурная столица, — но настойчиво подталкивали к двери, а впереди отчетливо маячила перспектива близкого знакомства с коллекторами — это неотвратимо, как цунами, надвигался срок погашения процентов по моему главному кредиту. Тому самому, который мне так любезно и настойчиво предлагал закрыть господин Дэ Сидоров в последний день весны, а я так беспечно отказалась. Локти от бесплодных сожалений я уже к этому моменту изгрызла до плечевого сустава, но толку-то? Дэ Сидоров испарился без следа, словно и не было никогда ни его, ни ООО «БТЗ», ни кейса с деньгами. Да, разумеется, я его искала с твердым намерением броситься в ноги и оказать любую услугу, хоть экотуристического, хоть эротического плана.

Меж тем папа честно сказал, что не может пустить меня пожить в его квартиру, жена против, а это ее жилплощадь. Но лыжи взаимы дал, спасибо ему большущее. Ожидать, когда по месту прописки окончательно созреет революционная ситуация, я не стала — исчезла на заре, даже не опустошив напоследок хозяйский холодильник. Родне еще долго придется общаться с банком и коллекторами. Впрочем, на этот счет я не слишком беспокоилась. Двоюродный брат Вадик, отслужив на Северном флоте, работал нынче в структуре, которая своих не выдает, и любому коллекторскому агентству способна показать «национальную индейскую избу». Моей порядочности и родственных чувств хватило на то, чтобы прилепить на зеркало стикер с запиской почти предсмертного содержания, дескать, не поминайте лихом, жизнь не удалась, не свидимся мы боле, завещаю кошку Баську вам, дорогие родственники. В случае чего Вадик предъявит мою писульку кому следует, объявят меня в розыск... Это я так себя успокаивала, чего уж там. Но в то, что шансов отбиться от банка у родни всяко побольше, чем у меня, я искренне верила.

А путь мой лежал все в ту же Новгородскую область, в окрестности Чудова, где мне принадлежал никем и никак не учтенный домик в умирающей деревне. Оставила его мне сестра бабушкиного мужа в память о тех летних месяцах, которые я проводила в ее занятом обществе.

Бытие, как говорится, определяет сознание. В оторванной от цивилизации деревеньке, куда добраться можно было лишь на лыжах зимой или на лодке летом, я очень быстро вспомнила, и как топить русскую печку, и как дрова пилить-колоть, и как выживать на подножном корме, почти охотой и собирательством. Охотник из меня был аховый, для собирательства сезон оказался неподходящий, зато рыбацкие ухватки припомнились быстро. Чего тут вдоволь, так это рыбы. Ею немногочисленные местные жители и спасаются. До ближайшей цивилизации — двенадцать километров через лес, единственная власть — егерь, самый подходящий транспорт — лыжи. Средневековье!

Но у меня, едва лишь мой телефон вышел из радиуса приема любых сетей, просто камень с души свалился. Сюда точно никакие коллекторы не доедут. Ни-ко-гда. Даже за полтора миллиона.

Проблема была с едой. Лишний раз показываться на людях мне было не с руки, а прихваченные с собой в рюкзаке припасы, как ни растягивай, а до весны точно кончатся. Но баба Надя (одна из двух обитательниц деревни) пришла мне на выручку. Все-таки тут не только натуральным обменом жили, деньги тоже были в ходу. «До лета полежат, — хозяйственно проверила на просвет и разве что на зуб не попробовала мои последние сто баксов баба Надя. — Лезь, Катька, в подпол, нагребай огурцов, грибов бери из бочки. Муки не дам, и не клянчи, а картошки бери, сколько утащишь». Нагрузив сани припасами, я торила снежную целину, прорываясь сквозь метель к своему пристанищу, и чувствовала себя при этом персонажем поэмы Некрасова. Как минимум.

Умостившись на печи в пятистенке («большую избу» по зиме все равно было не протопить), при лучине (электричества-то нет, а свечи экономить надо), я вгрызалась попеременно то в печеную картофелину, то в соленый огурец, запивала колодезной водой — и ревела белугой. Страшила не перспектива застрять в этом медвежьем углу на неопределенный срок

(этнотуризм, а?! Полный этнотуризм!), пугала полнейшая безнадега впереди. Но фамильный оптимизм очень скоро пришел мне на выручку. Я же не в Средневековье оказалась, в самом деле, и не в тайге глухой. Крыша над головой есть, люди тоже рядом — каких-то полкилометра до соседки, сама жива-здоровая (нельзя болеть, нельзя). Вот придет весна, и все-все обязательно наладится. Точно. Наверняка. По-другому и быть не может.

Новый год прошел без происшествий, но очень скучно. И если верить примете «Как новый год встретишь, так его и проведешь», то весь следующий год я должна была проспять, словно медведица в берлоге. Не так уж и плохо, если вспомнить, что у косолапых никаких кредиторов не водится, только блохи. День шел за днем, снега насыпало все больше и больше, мороз крепчал, предвещая Крещение. И тут баба Надя, разговевшаяся¹ после окончания Рождественского поста, а потому резко подобревшая, безвозмездно поделилась со мной сливовой наливкой, квашеной капусткой и куском сала. Короче, жизнь налаживалась. Небо вызвездило, молодой месяц плыл серебряной лодочкой над лесом, и вообще весна была не за горами, а там и новые планы. Как там у Жуковского? «Раз в крещенский вечерок девушки гадали»?

В самом деле, отчего бы девушке и не погадать, как велит народная традиция, если больше все равно заняться нечем? Богатый, очень любящий и, главное, готовый к незапланированным расходам жених мне бы сейчас не помешал.

Неистребимый оптимизм тоже своего рода диагноз, — раз положено гадать, значит, так и сделаем, решила я. В бане очень кстати обнаружилось старинное зеркало, словно бы специально предназначенное для таинственных ритуалов. Широкую рамку ручной работы с искусной резьбой давно следовало бы отреставрировать, но как-то руки не доходили очистить благородную древесину от вековых наслоений краски. Зато синеватый оттенок от наводки ртутной амальгамой завораживал своей мнимой глубиной и бездонностью. А еще это зеркало было добрым.

Баба Лида утверждала, что зеркала делятся на злые и доб-

¹ Разговеться — у православных по прошествии поста поесть впер-
вые скоромной пищи (*церк.*).

рые. В злом даже потрясающая красавица непременно увидит все свои самые незначительные изъяны, и любая дорогая и стильная одежда покажется уродливой, а стройнейшие ноги — кривыми. Добрые же зеркала неведомым способом скрывают недостатки смотрящих в них людей. Глядя в такое зеркало, дурнушка обязательно узрит привлекательные черты, а толстуха — признаки похудения. Конечно, доброе зеркало не заставит исчезнуть седину или морщинки, но явит их не такими уж и пугающими.

Я повертелась перед находкой, в который раз убеждаясь в баб-Лидиной правоте. И так и этак встала. И вполоборота! Не принцесса, может быть, но определенно королевна. И разве ж такая симпатяга не найдет себе новую хорошую работу? Да запросто! И не только! Она обязательно заработает много-много денег, отдаст все долги и заживет лучше прежнего. А замуж она выйдет за честного человека, а не за предателя и вора!

Моя самооценка медленно, но уверенно взлетала до небес, и даже черная коса, над которой еще не так давно я в приступе самокритики занесла было ножницы, показалась вполне уместной. Тем паче для гадания с зеркалом, чтобы, так сказать, углубить эффект. Народные традиции — это святое. Тишины и темноты, потребных для обряда, в здешних местах полным-полно, банька протоплена, и все сделано, как положено. По обе стороны от зеркала я свечи поставила в майонезных банках вместо отсутствующих подсвечников, второе зеркало, поменьше и поновее, — напротив баб-Лидинога раритета, а сама в старую ночную сорочку нарядилась, никаких поясов и резинок от трусов. Осталось волосы по плечам распустить, и хоть сейчас на иллюстрацию в школьную хрестоматию.

Настраивать зеркальный коридор нужно тщательно, приговаривая: «Суженый, ряженный! Покажись мне в зеркале!» И когда в тусклом мерцающем свете откроется проход в бесконечность, сидеть смиренно и ждать, вглядываясь в синеватое дрожащее марево. Сначала чудилось, будто не свечи горят, а трепещут огненными крылышками бабочки, кружатся в лихой пляске и уносятся вдаль, хихикая и перешептываясь. Затем вдруг резко запахло смолой и дегтем. А потом суженый-ряженный возьми да и появься! И не кто-нибудь, не добрый молодец, а лично господин Дэ Сидоров! Стоял, понимаешь, и гнусно усмехался. Я глазам своим не поверила,

придвинулась ближе и случайно коснулась зеркальной поверхности, а Дэ Сидоров ка-а-ак схватит меня за руку, как дернет на себя. Я не успела крикнуть ритуальное: «Чур с сего места!» — и утянуло меня доброе зеркало в свои глубины, точно в омут.

Вот вам и крещенский вечерок, девушки!

Глава 2 О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР!

*Диху, сын Луга, и Иван, Дмитриев сын
из рода Корецких*

— Ты закусывай, друже, закусывай! Заедай ее, родимую... Ну-тка, капусткой вон похрусти! Чего рожу скривил? Аль не ладно?

— Лад...но, — с трудом выговорил сид, осторожно вдыхая и выдыхая. Огня из глотки не выдохнул — уже хорошо, хотя казалось, что еще чуть-чуть, и превратится сын Луга в натурального дракона. Каковые твари Народу Холмов родичами никогда не были, к слову.

— Сколько лет вас знаю, а все не привыкну, — послушно похрустев закуской, признался Диху. — Чего только не пил, чего не едал, а чтоб медовуху капустой...

— Это не медовуха. — Товарищ его по застолью бережно поднял стеклянную рюмку, каких и у иных королей не водилось, и ласково полюбовался напитком. — Это — зелено вино! А ежели тебе по-латински привычней, так аква вита, сиречь вода живая. Различать уж должен, чай, не отрок.

И усмехнулся в бороду, лукаво щуря светлые глаза.

Диху, которого почитали покровителем очага и горна столко веков, что у приветливого хозяина пальцев не хватит перечь, на поддразнивания не обижался. По человеческому счету знаком он был с боярином Корецким уже давно, еще голозадым младенцем в колыбели его видал, а с бабкой его, знаменитой посадницей Марьей, тоже в свое время имел и застолья, и беседы. Доводилось и выручать, как без этого. А теперь вот Иван Дмитриевич должок отдавал: приютил, в бане попарил и аква витой под капустку потчует.

— Эж вызвездило! — Хозяин протопал к двери и приоткрыл ее, впуская в предбанник морозный воздух. — Хороша ночка! Айда в прорубь, гостюшка?

— Дверь прикрой, по полу ведь тянет. — Сид поджал босые ноги и поехался. — Мне ничего, а ты и слечь можешь, друг Айвэн. И охота тебе речных дев будить посреди зимы? Или, как у вас говорят, седина в бороду?

— Это да-а, — поскреб боярин затылок и хмыкнул смущенно. — Есть маленько. Так ведь русалки... — И плавно повел руками, обрисовывая нечто вроде песочных часов. — Справные девки, хоть и нечисть навроде тебя.

— Вытаскивать не стану, — предупредил сид. — Одного раза мне хватило, тогда еще. И уж поверь моему опыту, ежели дева в реке нагишом ревится, то лучше всего отвернуться и там ее и оставить.

— Э, да ты совсем с лица спал! — Вернувшись к столу, Иван Дмитриевич заботливо налил гостю в опустевшую рюмку. — Вспомнил чего? Так расскажи, облегчи душу-го.

— Душу! — Диху, уже не морщась, хлопнул рюмку и занюхал щепотью капусты. — Вот ты, друг мой Айвэн, грамотный, читать обучен, значит, должен знать, что у Народа Холмов души нет. Во всех ваших книгах так написано.

— Так мало ли, кто и где чего пишет. Некоторые и на заборах горазды, что ж теперь, всему верить? — подмигнул новгородец.

Не сказать, чтобы Корецкого так уж сильно интересовали байки его бессмертного гостя, однако ж надо как-то разговор увести от русалок подальше. Сам ляпнул про прорубь, не подумавши, а сид мигом дал понять, что его племя и впрямь ничего не забывает. Хотя и смертный человек не запомнил бы, если б довелось ему вытаскивать Ивана Дмитриевича, тогда еще юнца безусого, из омота за шкирятник, от водяной нечисти вызволяя. И через двадцать годочков припомнил бы.

В пахнувшие тиной объятия речных девок тогдашний Ванька угодил по собственной дурости. Оно ведь как бывает? Соберутся парни, и давай похваляться друг перед дружкой удалью да молодечеством, и за гоготом жеребьячьим разве поймешь, кто правду говорит, а кто только прикидывается? По речам да шуточкам выходило, что во всей ватаге только Ванька Корецкий еще девок не щупал. Разве ж боярский сын стерпит насмешки?

Не стерпел, вестимо. Слово за слово, ударили по рукам, и вот уже парень, озираясь да пригибаясь, чтобы бабки, Марьи-посадницы заспинники, не углядели и не словили, утек на реку, да аккуратно к Девичьему затону. Накануне Ивана Купалы — самое место, чтобы нецелованным парням гулять, конечно. Девичий затон ведь потому Девичий, что испокон веков там порченые девки топились, чтобы потом выходить на берег по ночам кровожадной нежитью и неосторожных мужиков, врагов своих извечных, на дно утаскивать. Если все так говорят, так что ж не верить?

Поначалу Ванька храбрился: сказывалась гордость задетая, да и чарка, принятая для смелости, тоже помогала. Но как только из прибрежных кустов заметил он, как мелькнули над темной водой белые, полупрозрачные в лунном свете, тонкие руки, как услышал лукавые смешки и тихое девичье шушуканье, так и отпрянул, холодным потом прошибленный. Отпрянул, да не убег. Потому что ноги к влажному песку приросли, когда вышла из воды, раздвигая заросли камыша и рогоза, девка, краше которой на всем свете не сыскать. Повела белыми плечами, упругой грудью качнула, тяжелые волосы за спину откинула — и показалась онемевшему Ваньке вся, от венка на макушке до маленьких пальчиков на ногах.

— Ну что же застыл, глупенький? — мурлыкнула нежить речная и рукой белой поманила: — Иди же ко мне.

И боярский сын Корецкий пошел на зов, себя не помня. И даже когда теплая вода сомкнулась у него над головой, не пожалел ни чуточки...

...Очнулся на песке, от тины отплевываясь и скуля. Грудь горела, горло жгло, в глазах пятнами мельтешило то лицо ее бледное сквозь темную воду, то очи, грустные, будто осенние звезды. Но хуже всего пришлось Ванькиным ушам. Польшали уши огнем, словно их только что чуть с корнем не вырвали. Потому не сразу расслышал парень страшную ругань матерную, которой его, чуть живого, кто-то от души поливал, а когда расслышал, то и половины слов не понял.

Проморгавшись, Иван рассмотрел, что над ним возвышается смутно знакомый мужик, по виду колдун, а на рожу так чисто ворон. Длинноволосый, глазищи зеленым огнем полыхают, а платье черное, латинского кроя, мокрое насквозь, так что течет с матерщинника ручьями, и даже с кончика носа капает.

— Прочухался, тупое смертное отродье?! — рыкнул он, и в этот миг Ваня узнал непрошеного спасителя. Выволок парня из омута не кто иной, как немец Тихий, бабки Марьи старинный знакомец. А может, и не немец, их поди разбери, инородцев этих. Кто говорил, что посадница с ведуном латинским дружбу свела, а кто — что так и вовсе с нечистью. По правде сказать, на нечистого Тихий походил изрядно, особенно когда вот этак зыркал. Однако ж известно, что нечисть матерного слова не переносит и от крепкой ругани бежмя бежит, а этот, поди ж ты, знай себе поливает Ваню бедного и по-русски, и по-латински, и даже, кажется, татарские словечки вставляет.

— А?

— Значит, живой, — осклабился иноземец и безжалостно наподдал парню под зад ногой в мягком степняцком сапоге. Говорил Тихий, кстати, совсем без акцента. Видать, на людях прикидывался немцем безъязыким, а сам по-русски так и шпарил, будто по писаному. — А раз живой, так и вали отсюда, пока цел. Давай-давай, двигай.

— А как же... — Ваня растерянно оглянулся на реку. Над водой качалось бледное лицо давешней русалки, и темные ее волосы струились по мелким волнам, будто водоросли. — Ты... эта... не обижай ее. Невиноватая она!

Свирепый колдун вдруг подобрел лицом и брови этак вздернул.

— Вот как? Она невиноватая, ты сам пришел? Любопытно... — И улыбнулся кривовато. — Не бойсь, отрок, ничего я ей не сделаю. А с тобой... потом поговорим. Имя мне Диху, сын Луга, и ты у меня в долгу, смертное дитя. А теперь пошел отсюда! И не оглядывайся.

И Ваня пошел. А что делать? Когда так посылают, лучше идти. Но не выдержал, оглянулся уже из кустов, чтобы увидеть, как русалка безбоязненно выходит на берег к ведуну, скромно волосами прикрывшись, а тот приветственно протягивает ей руку и говорит что-то мелодичное, журчащее и совсем-совсем нечеловеческое...

Наутро бабкин гость ни словом не обмолвился о ночных приключениях юноши, но никто из Корецких не любил долго быть в долгу, и поэтому Ваня сам искал случая встретиться с загадочным колдуном. Безуспешно, впрочем. Но когда боярский сын вдруг понадобился Диху-Тихому, тот сам его на-

шел. Правда, случилось это спустя немало лет, и вышло так, что не Ваня расплатился с сидом, а напротив, еще больше ему задолжал...

А с нечистью из Девичьего затона Иван Дмитриевич с тех пор жил настолько дружно, что как-то лунной ночью одна из русалок даже со смехом рассказала ему, как именно колдун из Народа Холмов расплатился с речными девами за жизнь отрока Ивана. Всю ночь расплачивался, да и еще две прихватил. Да так тем девам расплата запомнилась, что они опосля на смертных пареньков и глядеть не хотели, все по заморскому гостюшке вздыхали.

Конечно, дружба с потусторонними силами боярину Корецкому несколько раз едва не вышла боком. Хотя Диху весьма успешно прикидывался бриттским мудрецом Тихим, а русалки из своего затона почти не показывались, все равно в народе поговаривали, что Иван Дмитриевич с нечистью знает-ся. А уж сколько сплетен заплели острые бабьи язычки, когда померла жена его Степанида, а вдовый боярин стал захаживать к живущей на отшибе молодой, которая вскорости Прошку понесла! Молва бедную Заренку тут же окрестила и ведьмой, и русалкой, и даже кикиморой. И ворота ей дегтем мазали, и красного петуха подпускали, и вслед плевали, не без этого. Так что когда Бог Зарену прибрал, Иван Дмитриевич озлобился и вызверился, жил бирюк бирюком. Разве что к девкам речным иногда наведывался, но по-солидному, без баблоства. А потом все же таки оттаяло сердце, и проросли в нем сыны, Степка-наследник и Прошка-байстрючонок, будто два первоцвета. А там и Диху вдруг нагрязнул, словно накликаемый...

— Так что у тебя там с бабами-то вышло? — Очнувшись от воспоминаний, встрепенулся боярин и обнаружил, что бессмертный уже штоф с аква витой не то что ополовинил, а на две трети вылакал. Капусту тоже подьел, а теперь уже к сигу копченому подбирается. — Ты закуску-то побереги! Все одно не в коня корм: ваше племя и без закуси не пьянеет.

— Побасенки, — фыркнул сид, кося зеленым глазом на миску с солеными рыжиками. — Кто, по-твоему, научил гойделов пиво варить?

— Не юли, идолище поганое! — шутливо погрозил хозяин пальцем. — Я тебя приютил, накормил, напоил и в баньке попарил. Теперича ты, нечистая сила, мне сказ сказывай.

— От вас, смертные, не отвяжешься. — Диху вздохнул и облокотился о столешницу, голову рукой подперев. — Ну, слушай, коли охота. Было это... давно, короче, было, ваше племя тогда еще с дубинами бегало. Один, в ту пору еще молодой, воин... Ладно, не смотри так! Хорошо, я охотился в холмах, устал и задремал среди вереска. А когда проснулся, увидел, что в реке плещется дева, красоту которой нельзя описать словами. Я... э... поспешил ей на помощь, решив, что несчастная тонет...

Почему-то сын Народа Холмов начал запинаться, то ли от выпитого, то ли еще от чего другого. Его поди пойми, сида этого.

— Слушай, ну ты дал! — хохотнул боярин, заслужив злобный взгляд бессмертного. — Это где ж видано, чтобы ваши — и вдруг тонули?

— А я говорю, что поспешил ей на помощь! — отрезал Диху. — Человек, ты совсем дурак или только прикидываешься?

— Понял-понял! — Тот успокаивающе поднял руки. — Не ярись ты так! Что ж я, сам не мужик? Ясное дело: раз девка в речке барахтается, значит, шаз потонет, и надобно ее вытащить. Потому как баба есть кура безмозглая, и только по дурости своей извечной может в омут сунуться... Дальше-то что было?

— Тебе в подробностях? — ядовито осведомился сид. — Дальше... потом, после того, как я ее... э... изловил, мы возлегли. — И?

— Что — и? Я заснул, она ушла. Откуда мне было знать, что это была Кайлих, дочь Ллира, сида Неблагого двора?! — взорвался Диху и осекся, рот ладонью прикрыв.

— Ты чего? — насторожился боярин. — Ты чего вострепнулся весь, будто зверь лесной?

— Да чтоб тебя вместе с твоим пойлом, смертный! — прошипел сид, отмахиваясь и вслушиваясь. — Надо же было так по-глупому...

— Боишься, что услышит?

— Боюсь, — помолчав, признался бессмертный. — Мы... неплохо расстались. Потом. После всего.

— Так ты от нее, что ли, прячешься? От бабы?

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, Айвэн. От этой женщины спрятался бы и дракон. Или ты думал, что я застрял

здесь, — он скривился и обвел широким жестом баню, подразумевая мир людей, — от большой любви к вашему племени? Мало того, что я нажил себе врагов среди Благого двора, так и весь двор Неблагой алчет моей крови. Уже без малого тысячу ваших лет.

— Ну... — Боярин задумчиво погладил бороду. — Ну, что тут скажешь. Бабы, они мстительные бывают, это да-а... Но ты бы все-таки сначала у ней имя спросил, а потом уже... возлегал.

— А это я теперь уже и без тебя знаю.

— Давай-ка выпьем, друг Тихий, — предложил Иван Дмитриевич. — Теперь-то ясно, чего ты шныряешь по миру, то туда, то сюда.

— Наливай! — махнул рукой сид. — Как вы это говорите... семь бед — один ответ, да?

— Ну, вот это речи воина и мужа! — обрадовался хозяин и только-только потянулся под лавку за новым штофом, как сотрапезник его совсем прямо по-собачьи наострил ухо и палец воздел в знак пущего внимания.

— Ты чего это?

— Погоди, Айвэн! Чую, дело у меня сейчас сладится, ради которого твой покой нарушил. Сейчас вернусь, все расскажу и покажу.

С чутьем сидским кто ж спорить будет? Никто.

Диху на плечи накинул доху и вышел, а Иван Дмитриевич подумал и налил себе еще чуток аква виты. Чтобы скрасить ожидание, не более.

Кайлих, дочь Ллира

Зима года, в Землях-над-Холмами именуемого летом Господним 1484-м, выдалась настолько суровой, что даже в сокрытой от глаз людских Стране Холмов ощущалась ее тяжкая поступь. Глубокие снега укрыли зеленые холмы блаженной Эрин, звезды, острые и яркие, как алмазы, сверкали над горами Альбы, морозный туман оседал толстым слоем инея на каменных стенах британских замков. Королевства по обе стороны Пролива притихли, и казалось, что сама земля замерла на полувздохе, завернувшись в снежный покров, будто в саван.

Тяжелый выдался год. Для смертных, конечно.

Здесь, под надежными сводами бруха Кайлих, дочери

Ллира, суровому дыханию зимы мира людей противостояло кое-что посерьезнее древних чар. Кайлих хватало собственного огня, причем с избытком, и при желании сида могла бы устроить оттепель половине Альбы. Впрочем, она не желала. Нынче редким путникам не грозят лавины и камнепады, лишь бы не упоминали даже шепотом имя Кайлих, Синей Старухи с Гор, не тревожили ее слух ни проклятиями, ни мольбами.

Пусть себе живут. Не до них.

Кайлих потеряла виски и с едва заметным усилием стерла с клубящейся живой поверхности Дымного зеркала тот облик, в котором изредка шутки ради являлась смертным обитателям гор и долин Альбы. Едва прикрытое растрепанными прядями длинных белых волос костлявое тело с пустыми мешками иссохших грудей, болезненно-выпуклым животом и суставами, распухшими от старческих недугов. Синюшная кожа, желтые искривленные ногти и бородавки конечно же. Ходячие по горным тропам неупокоенные мертвецы, чьей повелительницей считают Синюю Старуху, и те краше. Это если не рассматривать лицо, которое... О! Ни у бриттов, ни у скоттов в языках не найдется слов, чтобы описать его! Даже самые сладкоголосые из Народа Холмов утратили дар речи, когда Кайлих показалась в этом облике на пиру меж кострами Самхайна. Отважная Маха метнулась в поисках копья, грозная Бадб выругалась по-гойдельски, и даже Морриган каркнула что-то неодобрительное. В общем, ни эти вырожденцы, именующие себя Благим двором, ни даже сиды двора Неблагого шутки Кайлих не оценили. Ну и пусть их! Пусть их всех! Все равно того, ради которого дочь Ллира примеряла устрашающий облик Горной Старухи, не было среди блестящего собрания Народа Холмов. Только лишь для наглых глаз Диху, сына Луга предназначался этот наряд, только лишь для него — предателя, отступника, неверного! Чтобы ужаснулся, чтобы устршился, чтобы, как говорят в Эрине, «иссохли его почки доблести». И все прочие достоинства отсохли тоже! И в тот счастливый день, когда он, обессиленный и беспомощный, окажется в руках Кайлих... Дочь Ллира до крови прикусила тонкую губу и в который уже раз поклялась себе, что в тот день и час Диху Мак Луг познает сполна все, что по его вине выпало на ее долю. Все унижения и пытки, какие только способен измыслить разум женщины, вот уже без малого ты-

сячу земных лет жаждущей мести. И даже сверх того! И Синяя Старуха покажется ему доброй матушкой, ибо в тот день Кайлих будет еще страшнее! А затем, после того, как она выпьет его силу, отберет остатки удачи и оставит трепыхаться беспомощной оболочкой, как высосанная пауком муха... О, тогда! Тогда Диху увидит, что не ему соперничать с Кайлих Семи Битв ни в мести, ни в мудрости, ни в отваге. Пусть поглядит, как именно у нее получится совершить то, в чем он клялся, то, о чем он лгал.

Знал ли объект столь страстных и кровавых грез о планах мстительной сиды? Разумеется, знал. Вот и прятался от ее взора, скрывался и, подобно зайцу, уже который век петлял и путал следы. Спору нет, миры людей год от году становятся все более надежным убежищем для сиды, который очень не хочет, чтобы его нашли. Планы бытия расходятся медленно, но верно, и лишь в особенные дни ищущий взгляд Кайлих замечал тень от тени Диху, мелькавшего то тут, то там. Да еще по праздникам, когда ни одному сыну Холмов не скрыться от родичей. Но прошел и Самхайн, и Йоль, а до Имболка оставалось еще столько дней, что дочь Ллира извелась в нетерпении и решила, как и прежде, поискать наудачу. Несколько раз ей почти везло, и она буквально натыкалась на следы колдовства Диху — ему, такому осторожному, все равно приходилось время от времени обращаться к магии. Как иначе сиду выжить среди людей, далеко не всегда дружелюбных?

Но следы добычи — это еще не сама дичь, уже освежеванная и разделанная, верно? И метаться то в Британию, то в какой-нибудь Неаполис, чтоб ухватить лишь воздух, свистнувший из-под пяток изворотливого сына Луга, недостойно Кайлих. Вот если бы он хоть где-нибудь осел надолго, хотя бы на десяток земных лет... Увы, Диху, прекрасно осознающий опасность, на одном месте долго не задерживался и, мелькнув миражом в Аравийской пустыне, вполне мог объявиться затем за Великой стеной царства Мин. Он такой, он прыток весьма и дерзок изрядно. Но ни прыть, ни дерзость не спасет его, нет, не спасет.

Позволив мечтательной улыбке на миг осветить ее сумрачное лицо, Кайлих нетерпеливо прищелкнула пальцами, изгоняя из Дымного зеркала отражение себя истинной, и жадно уставилась в клубящуюся серую мглу.

Прошка

Сначала, когда единокровный братец принялся подговаривать на то, чтобы на пару спрятаться в кладовой и поглазеть на скоморошье представление, Прошка отказался наотрез. Дескать, чего он там не видел и не слышал? Похабных частушек, что ли? Так он и сам такого насочинять может, что у взрослых мужиков уши повянут.

— Ничего, после медовухи самое то будет, — не унимался Степан.

— А ты и запасся уже?

— Не-а, тебя ждал. У тебя всегда сподручнее выходит стянуть, что лежит плохо, — простодушно признался братец. — А я место знаю козырное. Видно и слышно все, а никто не заметит.

Прошка даже не удивился. Оно ведь так и считается, если уродился ты чуток смышленнее остальных, стал быть, записной ловкач. Но и ссориться со Степкой не хотелось. Начнешь отказываться, сразу же заподозрит в еще более хитром умысле, и тогда от приставучего отрока уж точно ни спрятаться, ни скрыться.

— Хорошо. Покажи мне, где притаиться надумал, а я, как кувшин сопру, так сразу к тебе приду, — молвил Прохор с видом смиренным и весьма заинтересованным. — Чудить так чудить.

Тот покочевряжился, но быстро сдался и показал свой тайный схрон от зоркого дядькиного ока и крепкой отцовской розги. На уме у Степана Ивановича всегда только гульки были. Ну, а крайний год — еще хмельное и девки.

Но в последний момент паренек спохватился и решил уточнить:

— А не обманешь? Ну-ка, побожись.

— Да вот тебе... — Прохор сделал вид, будто руку занес для знамения, и вдруг делано всполошился: — Ох ты! Дядька Андрей зовет! Будет мне сейчас нагоняй.

И умчался прочь, словно листочек, ветром гонимый.

С конюхом, мрачным и нелюдимым, как сыч лесной, московичом, паренек никогда особо не ладил и по доброй воле сроду бы с ним не заговорил, но сейчас тот появился очень вовремя. И не только от Степкиных выдумок спас, но и от неминуемого клятвопреступления. Потому как на вечер нынеш-

ний у Прохора были свои планы, ничего общего с ворованной выпивкой в компании со сводным братом не имевшие. Напротив, замыслам юноши, если и судилось сбыться, то аккурат сегодня. Завтра уже поздно будет. Торговый обоз двинет в Тверь и увезет к великокняжескому двору то единственное, чего Прошке не хватало для проверки своего нового изобретения.

Юноша сильно рисковал. Дознайся родитель, что он хоть пальцем притронулся к зеркалу, из самого Мурана привезенного, шкуру бы вожжами спустил. Но без ростового зеркала никак нельзя, а полированное серебряное блюдо не подходит, хоть убейся. Мнилось, будто так и сгниет хитрый механизм, не показав Прохору дальних стран, как обещано было в грамотке, которую отцов закадычный друг, бритт Тихий, у венецианца-чаровника в кости выиграл.

Сын далекого заморского острова сразу сказал, что без настоящего зеркала от всей премудрости пшик один выйдет. Но Прошку настолько захватила сама идея дальнего зрения, что он на свой страх и риск построил штуковину, от одного вида которой его самого в дрожь бросало. И не столько от обилия шестерней и валков, сколько от перспективы посредством оных увидеть из Новгорода, скажем, эринский Дублин или даже... Рим. Для того и потребно было драгоценное зеркало.

Оно, зараза, не только красивое, но еще и такое тяжеленное оказалось, что у парня чуть пупок не развязался, пока дотацил его в сарай и установил в правильной позиции — передом строго на закат. Заодно Прохор рассмотрел свое отражение в неизвестных до сих пор подробностях, обнаружив, что веснушки у него почти незаметные, и уши не шибко лопухастые, а глаза и вовсе натурального василькового, столь любимого девками, цвета. Короче, от изделия муранских стекольщиков много пользы должно было получиться.

Но вышло как всегда... Чего-чего, а самоуверенности Прошке занимать не приходилось. Без нее любому механику вообще жить нельзя. Как и без храбрости. Иначе чертежи и замыслы Великого Флорентийца так и остались бы красивыми рисунками и безумными идеями, и никогда не посягнули бы смертные люди-человеки на Силы Природные — Летучие, Плавучие и Зрючие.

Ледяными и чуть подрагивающими от волнения пальцами Прохор завел ключиком машину, а когда та вдруг возьми и за-

работай — точь-в-точь, как в венецианской грамотке сказано, испуская через медные раструбы яркий свет в разные стороны, — чуть замертво не рухнул. От восторга и гордости, само собой. Еще бы! Лишь в Киев-граде мастер по Зрючей Силе обретается!

И кабы не заплескалось в зеркальных недрах мягкое свечное пламя и не проступил чей-то бледный лик, то утекли бы все Прошкины мысли в собственную блистательную будущность, где звать его будут уважительно Прохором Ивановичем и величать Новгородским Зрючим Мастером. Эх, мечты-мечты!

Двух вещей не предусмотрел будущий Великий Зрец. Во-первых, что видящий луч его чудесной машины угодит напрямик в какую-то глупую девку, а во-вторых, заморскую хитрость батюшкиного немца Тихого. Первая была чистой случайностью, вторая, к сожалению или к счастью, спланированной загодя предопределенностью. Тихий выждал момент, подкрался бесшумно, точно тать ночной, и с нечеловечьей ловкостью выхватил ту девку из зеркала. Прошка видел однажды, как отцов человек, Андрюха-Лютик, рыбу голыми руками в речке ловил. Замрет на несколько мгновений с занесенной рукой, прицелится, а потом — хватить! И вот уже бьется на травке глупый щуренок. Лютик говорил, дело в быстроте. Кто быстрее, тот и сыт бывает.

Вот и у Тихого улыбка была довольная-предовольная, когда он девку зазеркальную изловил.

Так и сказал:

— Попалась!

Катя

Когда ты со всего маху падаешь плашмя с высоты собственного роста, рискуешь здорово ушибиться коленками и локтями. Это нормально и закономерно, и это единственная норма, которая случилось со мной по ту сторону баб-Лидино-го зеркала. Остальные события не поддавались никакому логическому объяснению, ибо ничего общего с реальностью не имели. Начать хотя бы с того, что люди сквозь зеркала, точно через двери, не ходят. Но даже если темная конура, наполненная резкими запахами, грохотом и всполохами ярчайшего

света, где я очутилась, и называлось Зазеркальем, то какое-то оно было неправильное.

Перво-наперво, господин Дэ Сидоров, без спросу затачивший меня в... Куда?

— А?

— Помолчать можешь пять — десять минут? — спросил он и всем лицом изобразил настоятельную просьбу. — Заткнуться и ни слова не говорить, пока я разберусь с хозяевами.

Я согласно кивнула. Я же не дурочка, чтобы скандалить и качать права. Любое живое существо, попав — уточним, внезапно попав неведомо куда, — первым делом замирает на месте, осматривается, а затем быстро-быстро ищет укрытия. Убежища, если угодно.

Сидоров одобрительно ухмыльнулся, словно бы говоря: «Сейчас я твое единственное убежище».

Молчать всегда полезно. Заодно я оценила световое шоу, устроенное подростком, который был сильно недоволен итогом. Моего появления он не ожидал, это точно. Ах, если бы я еще и понимала, о чем так тревожится абориген! Этот язык хоть и очень походил на русский, но разобрать я сумела лишь отдельные слова и междометия. Кроме того, парнишка одет был как-то очень... этнографично. Длинная рубаха, нательный крест, какие-то былинные сапоги...

«Где я? — ужаснулась я невольной догадке. — Нет! Этого не может быть! Машины времени не существует!»

Меня прямо в жар кинуло. Рядом со мной стоял директор ООО «БТЗ» в дохе и полотняных поношенных штанах, которые я мысленно тут же обозвала «портками».

Рассудок категорически отмел всякую фантастику с машинами времени, настроившись на поиск нормального объяснения всего происходящего. Например, все это просто сон, обыкновенный сон перенервничавшей молодой женщины, которая совсем недавно пережила серьезный стресс...

Господину Сидорову Дэ вдруг стало не до разборок с тинейджером, он протянул руки в сторону зеркала и пропел что-то на редкость немзыкальное на совершенно незнакомом языке. И стоило бросить на зеркальное полотно взгляд, как у меня чуть волосы дыбом не встали. С той стороны, откуда меня совсем недавно извлекли, медленно вращался синевато-сизый водоворот, то и дело вспыхивающий золотыми искрами. Затем гладкая поверхность зеркала пошла мелкими

волнами и начала выпячиваться пузырем, грозя разлететься облаком смертельных осколков. Выглядело жутко, но, похоже, только меня одну тревожил неминуемый взрыв. Подросток что-то быстро лопотал на квазирусском наречии, Сидоров производил свои манипуляции без малейших эмоций, словно с ноутбуком работал.

И тут в сарай явился мужчина с правом решающего голоса — здоровяк в исполинской шубе, надетой прямо на голое, распаренное тело. И только теперь, на его фоне, стало ясно, что Дэ Сидоров — поджарый, как гончий пес, узколицый и черноволосый, а потому абсолютно нездешний.

— Ты что ж это здесь учинил, гаденыш? — грозно спросил бородач, на которого мальчишка был, кстати, очень похож. — Ужо я тебя!

Ну, по крайней мере, так я поняла его слова. А и в самом деле, какой еще вопрос мог задать родитель, застав отпрыска за небезопасной для себя и окружающих шкодой?

Бить мальчишку он не бил, но ругал страшно. Тот, в свою очередь, не стушевался, как мог отгавкивался, закрывая на всякий случай собственным телом странный механизм и зеркало.

На меня грозный хозяин только зыркнул бешено и выкрикнул что-то вроде: «ТЬфу! Сгинь! Изыди!»

«ТЬфу» — это понятно, «сгинь» тоже вполне по-русски. Нехорошие предчувствия крепили во мне с каждым мгновением.

«Сейчас забьют колями или сожгут, как ведьму! Или у нас не жгли?..»

Память услужливо подсказала, что европейская практика аутодафе на российской почве не прижилась, но от этого не стало легче. Тонуть в проруби с жерновом на шее мне тоже не хотелось.

Никто здесь моему появлению не обрадовался. Кроме полуголого брюнета Сидорова. Тот, напротив, расплылся в радостной ухмылке. Теперь бы еще забыть его возглас «Попалась!», и то, с какой бешеной яростью вспыхнули его зеленые глаза в этот миг.

— Слушайте...

Я вовремя спохватилась, но настойчиво теребить пустой рукав сидоровской дохи не перестала. Пусть хоть на минуту отвлечется от пререканий с бородачом и его отпрыском и вер-

нется к реальности, в которой кое-кому пора бы уж и домой. Либо вернуться, либо проснуться.

Зеркало уже давно перестало пузыриться и выглядело вполне мирно, чтобы...

— Эй! Как я теперь домой попаду?

— Пока никак! — отрезал чертов заклинатель зеркал.

Он ловко накинул на меня свою доху, крепко сжал и поволок куда-то в полнейшую неизвестность.

Диху

Как дракон чует золото, сборщик податей — лишний грош в кубышке обывателя, а муха безошибочно летит на... э... мед, так и сын Холмов, вся суть которого пропитана магией, сумев разглядеть это существо сквозь толщу времен и миров, пренебрег таким скромным препятствием, как стекло, покрытое амальгамой. Настоящая эмбарр, живая, вот прямо здесь — только руку протянуть! Он и протянул. Это ежели поэтично, а если попросту — то его личный амулет на удачу. То, что нужный артефакт, в смысле образец, из плоти и крови, не слишком хорошо, но не так уж существенно. По сравнению с множеством достоинств такой недостаток, как принадлежность артефакта к людскому роду и женскому полу, не стоит даже упоминания. Нюансы всегда есть, равно как и побочные эффекты.

Другое дело, что, будучи живой и весьма своевольной, дева-эмбарр попыталась воспротивиться своей судьбе, но на то ведь и даны Народу Холмов изворотливый ум и ловкие руки, чтобы непослушные артефакты вылавливать из пространственно-временных потоков, что твою форель из ручья, верно? И Диху тоже не оплошал: все подгадал, всех построил и вовремя поймал добычу. Честь ему и хвала!

И ведь не сказать, чтобы этакое сокровище свалилось в загребущие руки сида без труда, одно только окучивание боярского бастарда потребовало и сил, и средств. Мальчишка оказался чересчур смышлен, чтобы действовать напролом. Но вода точит камень, а слово сида — души смертных. К счастью, эти создания жадны сверх всякой меры, сами плывут в сети любопытства. Натура у них такая.

Может быть, именно поэтому девица в первый раз уперлась, подумалось Диху. В любом случае все вышло так, как

вышло. И не случись в близости отягощенного проблемами сиду, то в невеликой повести ее жизни очень скоро была бы поставлена финальная точка, и тогда... О таком лучше не думать. Вот Диху и не задумывался о последствиях, когда всей доступной ему силой запечатывал проход между мирами. А задуматься стоило бы. В результате драгоценное зеркало безнадежно испорчено, а эхо от чар изгнанника прогремело не хуже горного обвала, наделав магического шума во всех сопредельных мирах. И если Кайлих услышала, а она весьма чуткая особа, то дева-эмбарр очень скоро ему пригодится.

Что касается мальчишки... Диху почти на полном серьезе присоветовал удрученному родителю оторвать шаловливые руки, подправить немного и приделать в нужное место, а не туда, откуда они растут сейчас. И ничего смешного: среди Народа Холмов имелись умельцы, что и голову могут прирастить умнее прежней, а руки-ноги — это так, рутина...

— И что это было? — спросил боярин, вваливаясь в баню и сурово меряя взглядом задумчивого сиду, который пригрюнулся на лавке, предусмотрительно прижав локтем сверток с добычей. В жестких пальцах Ивана Дмитриевича было крепко зажато ухо его отпрыска Прохора, а сам обладатель уха, извиваясь от боли, приплясывал и тихонько скулил.

— Если вкратце, то я только что предотвратил маленький локальный апокалипсис, который чуть не устроил твой младший сын, — вздохнул сид и уточнил: — Понимаешь?

— Вот благодарствую за заботу, — фыркнул хозяин. — Спасибо, мы люди ученые, нам толмач не нужен, чтоб апокалипсисы толковать. — Он моргнул и переспросил: — Чего-чего предотвратил?

— Апокалипсис, — любезно повторил Диху и добавил успокаивающе: — Локальный.

— Ага... — Боярин задумчиво покрутил Прошкино ухо. — Ну, если локальный, тогда ладно. Тогда только выпорю молодца. А вот то, что вещь ценную испортил... Может, татарам тебя продать, а, засранец?

— Батюшка-а...

— Оставь, — поморщился сид. — Не ошибается только мертвец. Парнишка твой неплох для самоучки, а его невежество — это твоя вина, Айвэн.

Иван Дмитриевич насупил брови и заворчал, как разбуженный в неурочный час медведь.

— Что ж его, пащенка, теперь в университет посылать, что ли? В Лютецию али в самый Рим?

— Хотя бы, — усмехнулся Диху. — Могу, кстати, помочь. Взять паренька с собой. Здесь ему все равно теперь придется несладко.

— Это да, это верно, чаровника со свету быстро сживут. — Выпустив многострадальное ухо сына, боярин сел на лавку и с любопытством ткнул пальцем в сверток: — А это чего такое?

— А это, друг мой, — сид по-хозяйски похлопал по добыче, завернутой в доху целиком, так, что не понять, где у нее голова, а где ноги, — такая вещь, что... Что разговоры о ней не для юных ушей, тем паче таких красных! — И зыркнул на Прохора.

— Проща! А ну, брысь под лавку! — рывкнул родитель юного изобретателя. — И чтоб тихо сидел! А ты не ломайся, нечистый, чай, не красная девка. Рассказывай давай.

Убедившись, что из-под лавки даже Прошкины уши не торчат, Диху нервно сплел вдруг задрожавшие пальцы, глубоко вздохнул и торжественно сдернул шубу со своей скорчившейся добычи. Девица то ли оцепенела от потрясения, то ли притворялась, но сейчас ее состояние было совершенно неважно. Сид бесцеремонно подхватил ее под мышки и поставил на лавку, чтобы нежданный трофей предстал во всей красе. И, не удержавшись от вульгарного тычка пальцем, похвастался скептически сморщившему нос приятелю:

— Гляди какая!

Катя и Диху

Какое-то время я продолжала верить, что все происходящее со мной — страшный сон. Но надежда на скорое пробуждение окончательно задохнулась под тяжестью и запахом шубы довольно быстро, без мучений. Сны, конечно, разные бывают, иногда от яви почти не отличишь, но не зря наука твердит, что мозгам спящего база требуется, откуда черпать впечатления. Увлечение этнографией и средневековой русской историей запросто могло сказаться на мозгах, но не до такой же степени.

И сколько ни тверди мысленно: «Сейчас все кончится. Сейчас я проснусь дома», но против фактов не попрешь. А факты таковы: вид у местных очень уж средневековый, и говорят они на столь диковинной смеси русского и финского,

что на слух понять можно лишь одно слово из пяти-шести сказанных. А уж когда Сидоров вытряхнул меня из шубы, как-то совсем не до смеха стало. Не нужно специалистом быть, чтобы представить, как именно поступят два средневековых мужика с ничейной девкой.

Боярин внимательно оглядел чужачку с ног до головы, насупил брови и фыркнул:

— Тыфу, бесстыжая! Это где ж видано, чтобы девки этак заголялись? Гулящая, что ли? Экая рубашонка на ней — срамота!

Следующий его взгляд, впрочем, задержался на жалко съездившейся фигурке уже подольше. Телом чистая, ноги тоже вроде не кривые, сиськи... да разве ж это сиськи? С русалочьими прелестями ни в какое сравнение не идут. Не говоря уж о Марфе-ключнице. Так что даже если свезти приبلуду на торг, много за нее не выручишь. Разве что басурманин какой польстится, однако ж цены испорченного зеркала девка не покроет никак.

Сид даже слегка обиделся на пренебрежительное хмыканье друга и нетерпеливо отмахнулся:

— Не на то ты смотришь, Ваня! Ты не на ляжки ей гляди, а дальше, глубже... Помнишь, как я учил? Ну? Видишь?

— Да куда уж глубже... В зубы ейные, что ли, глянуть? Аль в какие другие места? — сверкнул белыми зубами в усмешке хозяин.

Диху покачал головой и вымолвил со вздохом:

— Ох, тяжело мне с вами, смертные... Она — чужая. Со всем. Это и есть чудо.

Натянуть пониже рубашку или грудь руками прикрыть? Вот он, важнейший из выборов. И правильного решения так с ходу и не найти. Прищур у него... ну, пусть будет — боярин... Словом, прищур у него получился уж больно оценивающий. К тому же холодный блеск светло-серых глаз боярских свидетельствовал о немалом опыте в торговых сделках.

Вот и пойми, кого из этих двоих надо бояться больше — то ли боярина, то ли его товарища по баннным утехам — господина Дэ Сидорова. Отчего я вдруг поняла, что мой несостоявшийся благодетель иностранец? Да все просто. Не водятся на среднерусских равнинах такие диковинные мужчины с пронзительной заморской зеленью глаз и точеными чертами лица,

и не водились никогда. Другая порода, нездешняя. Опять же, волосы — длинные, щеки без признаков щетины, движения плавные. С таким и в цивилизованном двадцать первом веке страшно оставаться наедине в бане. «Боярин», к слову, тоже не производил впечатления обладателя утонченных манер, хоть внешность имел вполне русскую.

— А вообще, — рассудительно отметил Иван Дмитриевич, продолжая разглядывать пришелицу, — на вид вроде ничего так... Коса не стрижена, знать, свободная. Какого ж она племени? Людского али бесовского?

Бородатый дядька подозрительно скривился, будто обнаружил в товаре брак и собрался от души поторговаться. А Сидоров, тот явно хотел от меня странного.

Диху, снова не сдержавшись, погладил девушку по ноге и прижмурился, довольный.

— О! Это вопрос вопросов, верно? Не напрягайся ты так, Айвэн. Это я шучу. Она, несомненно, человек и, опять же без сомнения, не принадлежит ни моему миру, ни твоему.

Заявив это, он посчитал, что смертный его приятель достаточно насмотрелся на девичьи ножки, которые уже от страха пупырышками пошли, и дернул предмет обсуждения за руку, дескать, садись на лавку.

— И кстати, она нас не понимает. Сделать так, чтоб она научилась говорить, как ты считаешь? Или погодим?

Сидоров прикоснулся так, словно по мягкому меху новенькой норковой шубки провел ладонью. Я вжала голову в плечи и постаралась не дышать. А как еще должна вести себя вещь, выставленная на всеобщее обозрение? Качать права и требовать особого отношения? Да-да! В компании с двумя полуголыми мужиками в бане. Много таких умниц отыщется?

— Э... — Боярин поскреб бороду. — Погодим пока. Да тебе ж колдовать нельзя, сам говорил!

Диху расплылся в улыбке, не скрывая блаженства.

— Все можно, если осторожно. Сейчас нельзя, но скоро будет можно. Теперь мы с Кайлих поглядим, кто кого. — Тряхнув головой, он с трудом унял возбужденное дыхание и добавил уже спокойно: — Эта пришелица — мой талисман и знак. Понимаешь, она — то последнее, чего мне не хватало.

Вряд ли Айвэн понимал его до конца, но это и не важно теперь. А вот вопрос права владения следовало решить, и неза-

медлительно. По всем законам, людским и не только, дичь принадлежит тому, в чьих землях поймана. То бишь безродная чужачка в данный момент — собственность боярина Корецкого.

— Сколько ты за нее хочешь? — не стал скрывать намерений Диху.

«Все. Конец мне!» — догадалась я и отчаянно возжелала упасть в спасительный обморок. Но, видимо, нервная система городских жительниц современной России не настолько хрупка, чтобы терять сознание по такому ничтожному поводу.

Бежать бессмысленно, кричать тоже, и волей-неволей тебя охватывает безразличие к собственной судьбе. Будь что будет, лишь бы все скорее закончилось.

Порадовавшись тому, что разговор наконец-то начал принимать деловой характер, Иван Дмитриевич подбоченился и огладил бороду, начиная торг.

— Ну, что...

Он протянул было к девушке руку, но тут же отдернул, зашлышав ревнивое шипение сида. Друг Тихий взъерошился чисто ведьмин кот: глаза зеленющие сощурил, нос сморщил, зубы оскалил и только уши не прижал.

— Ладно-ладно! — успокаивающе выставил ладонь боярин. — Девка справная, хоть и тощая, ну так это откормить можно. Ежели к работе приставить да поглядеть, чего она умеет...

— Да ты на руки ее глянь! — запальчиво возмутился Диху, включаясь в забаву. Почти забаву, потому что для сына Холмов все происходило более чем всерьез. — Какая работа? Видишь, какие нежные? Она ничего тяжелей пера в жизни не держала! — И для убедительности взял товар за руку и перед носом у приятеля повертел: — И от шитья мозолей нет!

— ... а то, что безъязыкая, так оно даже лучше. Бабе язык бесами даден, — продолжал искать достоинства в пришелице Корецкий.

А тут еще, очень кстати, из-под лавки высунулась голова Прошки. Боярский байстрюк выказал фамильную сметку, предположив невероятное:

— А может, она грамотная?

— Тьфу! — скривился его родитель. — Еще чего! Зачем девке грамота?

Вообще-то я успела забыть о виновнике всего происшедшего, а он, оказывается, тут как тут.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> «Знакомься, Алиса, это — пудинг»	5
<i>Глава 2.</i> О дивный новый мир!	20
<i>Глава 3.</i> «Мой милый котик, будь повеселее...»	44
<i>Глава 4.</i> «Никто не скажет, будто я тиран и сумасброд».	68
<i>Глава 5.</i> «У верблюда два горба...»	91
<i>Глава 6.</i> «Не платье красит человека»	114
<i>Глава 7.</i> «Работники ножа и топора...».	138
<i>Глава 8.</i> «В лесу родилась елочка»	160
<i>Глава 9.</i> «Молви «друг» и входи».	183
<i>Глава 10.</i> «А девкой был бы краше»	212
<i>Глава 11.</i> «Use the force, luke!»	238
<i>Глава 12.</i> «Я дерусь, потому что дерусь!»	264
<i>Глава 13.</i> «Вместе весело шагать...»	291
<i>Глава 14.</i> Око за око	313